

СЕМАНТИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ ЛЕКСЕМ, ОТРАЖАЮЩИХ РЕЛИГИОЗНО-ЭТИЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ

Обращаться с словом нужно честно.
Оно есть высший подарок Бога человеку.

Н.В. Гоголь

Подключение аксиологических критериев позволяет организовать и определенным образом структурировать разнородный материал ментально-культурного пространства русского и белорусского языков и квалифицировать его как «мир воплощенных ценностей». Историко-семасиологический анализ отвлеченных русских и белорусских лексем дает основание для формулировки аксиологической типологии: выделения витальных, социальных, этических, религиозных, духовных ценностей и выявления семантических закономерностей. Исследование производилось на примере единиц, имеющих концептуальное значение для языковой картины мира и воплощающих христианский нравственный идеал. Изучение мотивационных признаков, лежащих в основании лексем, выражающих христианские и народные ценности, а также семной организации семем дает возможность утверждать факт тождественности религиозных, духовных, этических ценностей, что поддерживается религиозно-исторической общностью.

Исследование русских лексем, отражающих религиозно-этические ценности, проводилось в следующих аспектах: восстановление внутренней формы лексем, их семантическая реконструкция, установление системных связей между исходной и производной семантикой лексем, связанных с аксиологической значимостью слова; наблюдение над направлениями семантической эволюции. Примером концептуальных лексем, номинирующих религиозно-этические ценности, являются *вера, надежда, любовь, добро; справедливое воздаяние; благочестие; святость*. Показательно, что большинство лексем, именующих соответствующие концепты, общеславянского или церковнославянского происхождения.

Вера в представлениях средневековья была главной ценностью человека. Она составляла основу его бытия, несла с собой успокоение, придавала смысл всей его жизни, ибо жизнь, как он верил, не уничтожается смертью. При этом вера в системе ценностей средневековья была не только религиозной категорией, но и этической, ибо она определяла жизнь человека, его мировоззрение, поведение, являясь выражением его моральной силы, душевной стойкости и способности противостоять злу [1, с. 281-282].

Главным средоточием многовекового духовного поиска был путь постижения истины – путь от отчаяния к надежде. Лексемы *отчаяние* ‘состояние безнадежности, безысходности, упадок духа’ и *надежда* ‘ожидание чего-либо желаемого, соединенное с уверенностью в возможности осуществления’ в самом старославянском языке при той же сформировавшейся абстрактности ядерной семантики, что и в современном русском языке, сохраняют прозрачность внутренней формы, а не затемненные временем словообразовательные связи обуславливают явную оценочную маркированность.

Внутренняя форма первого слова определяется отрицательно окрашенной приставкой с модификационным значением окончания, завершения и корнем со значением ожидания, как в родственном глаголе *чаять*, то есть внутренняя форма лексемы *отчаяние* – ‘окончание ожидания, утрата надежды’. Слово связано отношениями генетического словопроизводства с церковнославянским глаголом *отъчаяти* ‘приходить в отчаяние’, ‘признать безнадежным’. Однако в старославянском языке глагол имел значение ‘обезуметь’ [1, с. 11].

В соответствии с общим философским законом любое явление по мере своего развития переходит в противоположное. Так и здесь, истоком положительного становится отрицательное. В семной структуре слова *отчаяние* содержатся компоненты потенциальной энантиосемии. Приставка содержит указание на ту самую философскую двойственность, из которой рождается потребность в действии, изменении, преобразовании, развитии.

Отчаяние является источником надежды, в нем рождается сила, дающая человеку уверенность в возможности осуществления его желаний, поскольку и лексема, обозначающая соответствующее понятие, содержит потенциальную сему начала. Генетически родственными лексеме *надежда* являются современные русские лексемы *дело*, *действовать* и более близкие в структурно-семантическом отношении *деть* и *одежда* с архисемой 'класть, ставить'. До сих пор глагол *деть* употребляется в значениях 'положить, засунуть куда-либо, так что трудно найти', 'найти для кого-, чего-либо место, приют, поместить'. Лексема *одежда*, по-видимому, была аналогичным образованием слову *надежда*, как параллельными исторически являются глаголы *надеть* и *одеть*. Общими семами в составе их семем можно считать 'класть', 'носить', 'облекать', 'покрывать'. Тогда внутреннюю форму слова *надежда* можно определить как 'то, что положено сверху'. Переносная семантика словоформы *положено* тоже знаменательна. Изначально надежда была деятельной, это заложено в глубинной семантике соответствующего слова. Собственные усилия способствовали повышению вероятности ожидаемого события и поощрялись народной мудростью: *Колотися, бейся, а все надейся; На Бога надейся, а сам не плошай* [2, с. 169-178].

Христианство дополняет лингво-аксиологическую картину религиозной аскезой, свидетельствующей о силе духа человека, для которого аскеза – это отрицание его воли к жизни, ибо первым условием религиозной аскезы было целомудрие и непорочность, которые как бы освобождали человека от фундаментального требования его бытия – продолжения рода. Достижению этой цели служили добровольная нищета, смирение и кротость, одиночество, крест, т.е. все то, что делало человека свободным от мирских и вещных связей, от всего, что мешало его душевному покою и достижению блаженства [1, с. 285]. Влиянием христианства можно объяснить ценностную маркированность страдания и мучений; долготерпения; труда.

Изучение семантической истории соответствующих лексем доказывает, что духовные ценности формировались на основе религиозных. Их концептуальным воплощением стали слова *слово*, *познание*, *мудрость*, *совесть*, *покаяние*, *молитва*, *исповедь*, *чудо*. Несмотря на структурно-семантическую близость слов *сознание*, *сознательность*, ни одно из них не может дублировать в русском языке лексему *совесть*, запечатлившую духовный поиск русского человека.

Генетически в составе слова *совесть* выделяется приставка *со-* < **съ-* со значением совместности, взаимной связи, которая обнаруживается во многих словах разной степени членимости. Например, она очевидна в словах церковнославянского происхождения *сострадание*, *сопричастность*, *соучастие*, *согласие*, *созвучие* и т.д., в других же словах вычленяется лишь исторически: *совет*, *счастье*, *случай* и т.д.

История корня отражает древнее, восходящее еще к праиндоевропейскому периоду противопоставление глаголов со значением 'знать'. В праславянском языке проявлением такой семантической антитезы стала смысловая дифференциация глаголов **vědati* и **znati*. В самом общем виде противопоставление исконной семантики знания сводилось к противопоставлению знания об окружающем мире, выражаемого глаголом **vědati*, и знания о человеке, выражаемого глаголом **znati*. Типичный для архаичного мировосприятия путь обретения истины: не из внешнего – внутрь, а из внутреннего – наружу – сказался на исходной семантической дифференциации глаголов *знать* и *ведать*.

Современная семантика этого слова сложилась не сразу: она отражает духовный опыт народа. В древнерусский период в разветвленной семантической структуре слова *совесть* доминировали семы понимания, сознательности, причастности к божественному знанию. Со временем исходная семантика причастности к сокровенному знанию сменяется личностной значимостью моральной нормы. Совесть оказывается мерой нравственности человека, степенью его *нравственной силы*.

В современном понимании семантика моральной ответственности становится доминирующей. Лексема *совесть* однозначна: 'чувство и сознание моральной ответственности за свое поведение и поступки перед самим собой, перед окружающими

людьми, обществом; нравственные принципы, взгляды, убеждения'. Семантика моральной ответственности генетически предопределена внутренней формой лексемы *совесть*. Соединение с истиной требует преданности ей. Поэтому сема ответственности не могла появиться у слов *сознание* и *сознательность*, но могла у слова *совесть*. Это очевидно и в толковании христианского концепта: *Голос совести – голос Бога*. Совесть в этом отношении характеризует степень духовной зрелости личности [3, с. 184].

Тождеством христианского и народного восприятия отличаются также такие этические ценности, как правдивость, искренность; стыд и совесть; щедрость, гостеприимство; любовь к ближнему, доброта. Показательно, что большинство лексем, именующих соответствующие концепты, церковнославянского происхождения. Характерно, что аксиологическая мотивация концепта может различаться в христианской и народной духовной культуре, сущность же равнозначна.

Например, доброта как отзывчивость, душевное расположение к людям, стремление делать добро другим ценилась не только потому, что «добро в представлениях Средневековья было понятием персонифицированным, являющимся сущностным атрибутом Бога» [1, с. 296], но и потому, что все существо человека было проникнуто жадой добра, отсутствие которого по отношению к себе он остро ощущал в жизни (см. русские пословицы *За добро Бог плательщик* или *Было добро, да давно; ждать добра, да долго* [4, 1, с. 443]). Об аксиологической значимости концепта в разные исторические периоды свидетельствуют многочисленные производные лексемы с корнями *добр-* и *благ-*, распространенные преимущественно в сфере моральных отношений, например в современном русском языке: *добродетельный, добродушный, доброжелательный, добронравный, добропорядочный, добросердечный, добросовестный, добрососедский* [6, 1, с. 409-410] и *благовоспитанный, благодарный, благодетельный, благожелательный, благородный, благотворительный, благотворный, благомыслящий, благонравный* [6, 1, с. 409-410].

Изучение семантики корня показывает, что этическая сема в составе семемы появилась не сразу. Например, в производной лексеме *доброта* в древнерусский период доминирующим было значение 'красота', а 'доброе отношение' являлось периферийным [7, 1, с. 680]. Это закономерно вытекает из средневекового восприятия красоты, которая, «будучи сущностным атрибутом Бога, была понятием не столько эстетическим, сколько религиозным и этическим» [1, с.302]. Например, *ДОБРЬ* 'красивый' [5, с.192], *ОУПОДОБИТИ* 'украсить', 'уподобить' [5, с. 742], т.е. сделать подобным Богу; *ЛБПЬ* 'красивый', 'приличный, надлежащий, уместный' [5, с. 314]. «Мир (и человек) как творения Божьи не могли быть некрасивыми, безобразными или уродливыми, отсюда отсутствие в старославянском языке антонимов у прилагательных со значением 'красивый', и это объясняет языковую «непроработанность» эстетических ценностей» [1, с. 302]. С течением времени целостность этического и эстетического смысла разрушается, они могут даже противопоставляться (см., например, русскую пословицу *Не ищи красоты, ищи доброты* [4, 1, с. 444]). Дифференциация значений может закрепляться и акцентологически, например: *добрóта* 'прочность, достоинство вещи', диал. 'добро, имущество' и *добротá* 'добродушие, доброжелательство, склонность к добру как качество человека' [4, 1, с. 444].

Таким образом, ценностное отношение человека к миру образует основу для концептуальной обработки его языка, ибо то, что лишено ценности, либо вообще не номинируется, либо если и называется, то ни лексически, ни словообразовательно никак не детализируется. Поэтому любой выбор языкового материала человеком проявляется через соотношение с его ценностями.

ЛИТЕРАТУРА

1 Вендина, Т. И. Средневековый человек в зеркале старославянского языка / Т. И. Вендина. – М.: Индрик, 2002. – 336 с.

2 Холявко, Е. И. От *отчаяния* к *надежде*: истоки семантики / Е. И. Холявко // «Десять веков христианства на Руси»: международная науч.-практическая конф. (2005; Мозырь), Международная научно-практическая конференция «Десять веков христианства на Руси», 13 сентября 2005 г. : [посвящ. Тысяч. Тур. еп. : материалы] / редкол. : В. И. Коваль (отв. ред.), Л. Ф. Каховская, Е. И. Холявко. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2006. – С.169-178.

- 3 Холявко, Е. И. Память общества в сознании человека (о глубинной семантике лексемы *совесть*) / Е. И. Холявко // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. – 2007. – №3. – С.124-129.
- 4 Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль: В 4 т. – М.: Русский язык, 1989-1991.
- 5 Старославянский словарь по рукописям X-XI веков / Под ред. Р.М. Цейтлин, Р. Вечерки, Э. Благовой. – М.: Русский язык, 1999. – 842 с..
- 6 Словарь русского языка : В 4 т. / Ин-т русского языка АН СССР; Гл. ред. А. П. Евгеньева. – 3-е изд., стереотипное. – М.: Русский язык, 1984-1988.
- 7 Срезневский, И. И. Словарь древнерусского языка / И. И. Срезневский : В 3 т. – М.: Книга, 1989.

И.В. Серикова (Беларусь)

АКТУАЛИЗАЦИЯ КРЫЛАТЫХ ВЫРАЖЕНИЙ И ЦИТАТ ИЗ ПРОЗВЕДЕНИЙ Н.В. ГОГОЛЯ В ГАЗЕТНЫХ ТЕКСТАХ

Одним из фундаментальных качеств языка традиционной газеты новейшего времени является интертекстуальность. Данная текстовая категория проявляется в использовании языковых единиц, различных в генетическом, содержательном, структурном и стилистическом планах, но характеризующихся относительной устойчивостью, повторяемостью и воспроизводимостью – фразеологизмы, пословицы, поговорки, крылатые выражения, цитаты, терминологически устойчивые выражения и т.д., которые по-разному вовлекаются в процесс текстопостроения: 1) вводятся «в ткань новых текстов»; 2) употребляются «в заголовочных комплексах» [1].

Нередко на страницах газет в качестве заголовка встречаются крылатые выражения и цитаты из произведений Н.В. Гоголя. Употребление публицистическим субъектом данных единиц в разнообразных газетных текстах на верхней границе текста – заголовочном комплексе – позволяет проследить подвижность «крылатики» Н.В. Гоголя, ее способность к трансформированию.

БСКСРЯ фиксирует 76 крылатых слов и выражений, источником которых являются различные по жанру произведения Н.В. Гоголя: поэма «Мертвые души»; комедия «Ревизор»; повести «Заколдованное место», «Записки сумасшедшего», «Вечера на хуторе близ Диканьки», «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем», «Старосветские помещики», «Шинель»; драматический отрывок «Тяжба». По данным БСКСРЯ, «сильными текстами», генерирующими наибольшее количество крылатых выражений, выступают поэма «Мертвые души» (32 единицы) и комедия «Ревизор» (29 единиц). Остальные произведения служат источником единичных выражений. «Толковый словарь: Язык газеты, радио, телевидения», в котором «широко представлена фразеология – не только фразеологические сочетания, но и предложения: пословицы, поговорки, крылатые выражения, активно функционирующие в публицистике» [2, с. 3], из всего корпуса «гоголевской крылатики» отмечает только устойчивое выражение «Мертвые души» [2, с. 199]. Автор данной статьи также отмечает, что по сравнению с другими устойчивыми словесными комплексами литературного происхождения, находящимися в частной картотеке, «гоголевские» крылатые выражения и цитаты весьма редко используются в позиции заголовка. Анализируемый материал показывает, что из всего многообразия «гоголевской крылатики», зафиксированной в БСКСРЯ, авторы газетных текстов для заголовков выбирают весьма ограниченный круг выражений и цитат: название поэмы «*Мертвые души*», цитаты из повести «Тарас Бульба» – *Есть еще порох в пороховницах, Я тебя породил, я тебя и убью, Редкая птица долетит до середины Днепра*. Используемые в заголовках названия повести «*Вечера на хуторе близ Диканьки*» и начало лирического отступления, посвященного Днепру в «Тарасе Бульбе», «*Чуден Днепр при тихой погоде*» не фиксируются БСКСРЯ. Таким образом, по сравнению с данными БСКСРЯ, наиболее часто в газетных текстах в качестве заголовка выступают цитаты из такого «сильного текста», как «Тарас Бульба».

С точки зрения характера использования цитат отмечаем их имплицитное употребление. Узнаваемость принадлежности цитаты именно Н.В. Гоголю, а не какому-либо другому классическому литератору, в данном случае связана с тем, что она является разговорной, т.е. несмотря на свою выразительность и употребительность, не несет какой-либо глубокой мысли, не передает